

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 136

С.И. РЫЖАКОВА

РОМУВА.

**ЭТНИЧЕСКАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ
В ЛИТВЕ**

Москва
2000

ISBN 5-201-14658-10(16)

© Серия "Исследования по прикладной и неотложной этнологии"
Института этнологии и антропологии РАН. Документ N 136.

Редакционная группа:
В.А.Тишков (отв.ред.)
Н.А.Лопуленко
М.Ю.Мартынова

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с позицией редакционной группы

При использовании ссылка на материалы обязательна

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:
117334, Москва, Ленинский проспект, д.32а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12
E-mail ANTHPUB@IEA.RAS.RU
fax: (7-095) 938-06-00

Документ № 136

С.И. РЫЖАКОВА

РОМУВА.

ЭТНИЧЕСКАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ В ЛИТВЕ

Об авторе

Рыжакова Светлана Игоревна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Область научных интересов – культурная антропология, семиотика, религиоведение, этнокультурные исследования Прибалтийского региона. Имеет более 30 публикаций.

About the Author

RYZHAKOVA, SVETLANA I.

Ph.D. hist. (since 1997). Scientific researcher in the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. **Basic interests – cultural anthropology, semiotic researches, religious studies, cultural features of Baltic peoples. More than 30 publications. Participated in 18 scientific conferences and congresses.**

Summary

RYZHAKOVA S.I. ROMUVA. ETHNICITY AND RELIGION IN LITHUANIA.

The author of this paper analyses the process of ethno-cultural revival in Lithuania, expressed in form of ethnic religious movement “Romuva”. The spiritual aspect is identified in this movement more with local tradition, ancient Baltic heritage, which was kept in folk culture through ages. However some of the branches use the Christian and Oriental (Indian) religious elements too. Romuva consists not only the reconstruction of ancient mythology and believes, but also the forming of new religious system. Special attention is paid both to the history and contemporary situation in Romuva, to the views of leaders of this movement, to the cultural symbols of the ethnic religiosity in Lithuania.

*

Религиозные движения, связанные с национально-культурным возрождением, существуют во всем мире¹. Это не случайно, ведь религиозность и этничность, тесно связанные между собой способы выражения идентичности. В ряде случаев они взаимозаменяемы (например, в таких этнокультурных стереотипах как «русские»= «православные»), в других - противопоставлены (из бесед с литовцами - «мы не католики, мы – литовцы»).

В западной Европе течения, возрождающие и создающие язычество, или этническую религиозность, как недавно начали называть это явление этнографы, распространены в Исландии, Англии, Германии, Австрии. Везде они немногочисленны, не обладают значительной политической силой, зачастую не стремятся к расширению круга адептов и области влияния, но высказываемые ими идеи имеют определённый общественный резонанс. Нередко представители таких движений довольствуются общественным статусом «чудаков»; их счи-

тают людьми странными, «не от мира сего», подчас – недалекими, не имеющими реальных целей в жизни.

За последние десять-пятнадцать лет подобные движения активизировались и в восточной Европе (Польше, Венгрии), и на постсоветском пространстве. *Диевтуриба* Латвии возникла ещё в 1920-е гг.², *Ромува* Литвы окончательно сформировалась в конце 1960-х. В 1970-е гг. подобные движения начали возникать в России, Украине, Белоруссии, Закавказье, на Северном Кавказе, где они, несмотря на целый ряд общих мест, стали значительно отличаться от европейских и прибалтийских аналогов³.

Религиозные (в том числе т.н. неоязыческие) течения и организации, наряду со становлением национального самосознания (от появления отдельных мифологем до формирования теорий национализма), краеведческими и фольклористическими движениями, выступают формами национально-культурного возрождения⁴. Хотя в чистом, не политизированном виде они нацелены как будто бы на “внутреннее потребление”, таких случаев немного. Взаимодействия и взаимовлияния наблюдаются не только между национально-религиозными течениями и организациями, обращёнными к одному конкретному (своему) народу, но часто национально-культурное возрождение проявляется в формах, ориентированных на внешнее восприятие, контакты, вплоть до политического лоббирования.

В настоящей работе речь пойдёт о литовском опыте возрождения или соз-

* В работе использованы материалы автора, полученные в ходе полевого исследования в Литве в октябре-ноябре 1999 г., и мае 2000 г. Я благодарю Йонаса Тринкунаса, Вацловаса Багдонавичюса, Витаутаса Туменаса, Лаймутиса Василявичюса, Эгле Плэплене, Дануте Пуховичене, Летаса Палмайгиса, Гинтаутаса Букаускаса, Вацловаса Михайленюса, Лютаураса Бальсиса, Витаутаса Янушкявичюса, Дэйниса Элертаса, Йонаса Вайшкунаса и Риту Балкуте за данные интервью, высказанные взгляды и помощь в сборе информации об истории и современном состоянии движения “Ромува” в Литве. – С.Р.

дания народной религиозности. Он представляет для нас значительный интерес, в частности, потому, что за последние четыре года наблюдаются интенсивные контакты между литовцами из движения *Ромува* и представителями некоторых российских общин (в частности, Калужской общины, “Коляды Вятичей”). Эти связи носят не только характер взаимных публикаций материалов в прессе⁵, но и освоения в России литовских религиозных концепций, выдвигаемых и поддерживаемых участниками *Ромувы*. Об этом свидетельствует, например, работа Н.Н. Сперанского (Велимира) “Дарна или учение о жизни в Природе”⁶. О *дарна*, состоянии гармонии между человеком, природой и миром, как пишет автор этой брошюры, ему поведали литовские друзья из общества *Ромува*. Нельзя исключить, что в будущем эта концепция станет значимой для язычников России.

Большинство представителей литовского движения обычно не употребляет терминов «язычество» и тем более «неоязычество» по отношению к себе, считая их внешними и навязанными, но все же могут для уточнения признать, что они не христиане, а “рагонэ”. Йонас Тринкунас⁷ - один из руководителей *Ромувы* - объясняет, что слово *раган*, латинское «крестьянин», в христианской Европе стало употребляться в значении «тёмный, отсталый, упрямый, не принимающий свет религии, придерживающийся своих предрассудков». «Крестьяне всегда были консервативны и придерживались своей религии; в этом смысле мы, действительно, таковы», - отмечает он⁸.

Неприятие и неудовольствие у ромувайцев вызывает то обстоятельство, что *Ромува* зарегистрирована как община «новой религии». Многие из них (как, впрочем, и адепты русской национальной религии, и сторонники латышского

неоязыческого движения *диевтуриба*⁹) считают, что продолжают древнюю литовскую веру, ничего нового не придумывая, но черпая сведения из старых источников – фольклора, истории, мировоззрения, графической символики, обычаев. Они подчёркивают языческое содержание абсолютного большинства религиозных традиций Литвы, воспринимаемых сегодня как христианские. «На Западе имеются движения, которые создают гимны, ритуалы, - говорит Йонас Тринкунас, - а мы оживляем, поднимаем всё то, что всегда было в народе. Мы не являемся никакими “нео”. Мы древние, традиционные литовские язычники»¹⁰.

Правда, это мнение (как и многое другое) не довлеет: другие участники движения *Ромува* подчёркивают роль индивидуального творчества, игры, создания нового в социокультурной и религиозной жизни Литвы, и при этом далеко не всегда связывают это движение с наследием своих предков. Такая реальность может быть обозначена термином неоязычество, который В.А. Шнирельман определил как «общенациональную религию, искусственно создаваемую городской, сильно секуляризованной интеллигенцией из фрагментов древних локальных верований и обрядов с целью “возрождения национальной духовности”»¹¹.

Однако и в латышском, и в литовском течениях, ориентированных в гораздо большей степени, чем близкие к ним немецкие, исландские, русские движения, на собственно религиозность¹², и использующие почти исключительно фольклорные и этнографические тексты, имеет место конструирование идеологии. Общим местом является неприятие современной индустриальной цивилизации, варварства по отношению к природе, а также забота о сохранении природной среды и традиционной культуры,

которым угрожают нивелирующие тенденции глобализации¹³.

РОМУВА – КРАТКАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ

Истоки *Ромувы*, - не формальные, но идейные, - следует искать ещё в XIX в., в начале литовского национально-культурного возрождения¹⁴. Немалую роль сыграло существовавшее в Литве в первой половине XIX в. «движение трезвости», поддержанное католическим епископатом (историком и священником М. Валанчюсом), в рамках которого выражалась и литовская самостоятельность, духовные устремления.

В конце XIX в. развернулось движение за отмену запрета литовской печати. Этот запрет до сих пор воспринимается литовцами с двояким чувством: с одной стороны, с болью и возмущением, а с другой, - имея в виду развернувшуюся подпольную деятельность по доставке литовской печатной продукции из Малой Литвы - с осязательным чувством героизма. Язык и культура до сих пор воспринимаются в Литве как идентичные понятия. «Не зря католики запрещали литовский язык, который считали языческим, - говорит В. Микайлёнис, - В 1864-1904 гг. был запрет литовской печати (латиницы), в это время книгоноши тайно приносили книги из Малой Литвы, но это были книги “польские”, католические. В целом имелись тенденции привить литовцам комплекс неполноценности: всё польское – благородное, литовское – мужицкое, хамское”»¹⁵.

Однако особенно важным для национально-культурных движений всегда была деятельность конкретных людей - личностей. В становлении литовской национальной идеи значительную роль сыграло творчество философа и писателя Видунаса.

*Видунас и его роль
в становлении этнической
религии в Литве*

Личность Видунаса (Вильгельма Сторосты, 1968-1953) – философа, писателя, учителя, религиозного мыслителя, – ключевая для понимания всего дальнейшего развития национальной и религиозной мысли Литвы. Вся его жизнь и творчество были распределены между Литвой, Германией и Индией. Философ Гитис Вайткунас определил, что Видунас - это литовский Восток, и наоборот, Восток для литовской культуры – это, прежде всего, Видунас, через него и благодаря ему¹⁶.

Для того, чтобы понять это, необходимо небольшое отступление. Существуют страны, находящиеся далеко друг от друга на расстоянии, но близкие по духу (так должна считать, по крайней мере, одна из сторон). Для Индии - это и Германия, и Англия, и Мадагаскар – каждая в своём роде. Если говорить о Европе, в особенности о постсоветском пространстве, то едва ли можно найти наиболее близкие Индии по духу страны, чем Литва и Латвия. Каким же образом они связаны?

Я бы выделила **три нити**, связующие Балтию с Индией (трудно сказать – какая из них значительнее). Первая – сравнительно-историческое языкознание, выявившее историческую близость индоевропейских языков, и в частности особую близость литовского языка и санскрита, как на уровне лексики, так и грамматики. Вторая - национально-культурное возрождение, в рамках которого возникло множество разнообразных явлений. Это и *национальные теории*, сформулированные, в частности, Видунасом в 1920 г. в работе «Сущность жизни нации», и латышом Эрнестом Брастыньшем в 1936 г. в книге «Учение национализма». Это и *фольклоризм* – движение по изучению и интерпретации

памятников народной культуры, в особенности устной и певческой традиции, что, конечно, было инспирировано немецким романтизмом. Это и поиски собственной этнической *религиозности*, выразившиеся, в частности, в так называемых неоязыческих течениях. Третья - теософия, переросшая позднее во многом в движение New Age и разнообразные западно-восточные философско-религиозные учения и практики со свойственными им эклектичностью, ориентализмом, философскими теориями о сущности и взаимосвязи вселенной и человека, сопоставлением различных религий, с акцентом на когнитивный и психологический аспекты религиозности¹⁷. Литва, расположенная и географически, и культурно, между Германией и Россией, оказалась своего рода «чашей», в которой смешивались теософские течения обеих стран¹⁸.

Итак, Видунас был личностью уникальной для зарождения «индийской» Литвы, как бесспорно его значение и для большинства других существующих по сей день, национальных и религиозных движений Литвы. Как почитание Гиты «объединяло самых разных приверженцев индуизма, совершенно друг на друга не похожих. И для Махатмы Ганди, и для его убийцы “Песнь о Бхагавате” представляла собой руководство к действию»¹⁹, так и труды и воззрения Видунаса почитаются в Литве и космополитами, и людьми, настроенными по западному, и кришнаитами, и националистами, и людьми, ориентированными исключительно на местную языческую культуру. При прямом или косвенном влиянии идей Видунаса возникло большинство литовских культурных обществ межвоенного периода²⁰.

Ради справедливости следует сказать, что для своего времени Видунас не был совершенно исключительной фигурой: «восточная» ориентация была присуща

и другим мыслителям и творческим людям Литвы начала XX в., среди которых - Миколаус Константинас Чюрлёнис, Юргис Балтрушайтис и др. Таким образом, можно говорить о целой культурной тенденции прочтения идей Востока, особенно Индии, в Литве.

В длинной творческой жизни Видунаса я отмечу только то, что, как кажется, имеет основания для символической интерпретации, и что было значимо для формирования литовской этнической идентичности. В 1895 г. Видунас стал руководить созданным при Тильжской лютеранской церкви хором, который в 1897 г. преобразовался в светское Общество литовских певцов. Видунас сам был режиссером его постановок, сам писал тексты представлений. Это общество, как и все литовские культурные объединения, действовало до его запрета гитлеровскими властями в 1935 г.

В ходе работы Видунас особое внимание обращал на язык - произнесённое слово, речь, устную певческую литовскую традицию²¹. Так или иначе, о языке Видунас писал во всех своих трудах, но несколько работ он специально посвятил культурно-лингвистическому и даже лингвострановедческому анализу литовской речи, языку и песенной традиции (*дайнам*). Он рассматривал этимологию, грамматику, лексический состав и металингвистический контекст речи как, среди прочего, важнейшие элементы этничности. «Литва – там, где говорят по-литовски...» - эта мысль сформулирована в труде «Литва в её прошлом и настоящем», написанном в 1916 г.²²

Родина Видунаса - край Малой Литвы, часть Восточной Пруссии. Её уникальное полиэтническое, балто-славяно-германское общество (в котором когда-то растворились древние пруссы, и откуда в XVI в. началось культурное возрождение Литвы, где создавалась и раз-

вивалась литовская литературная традиция²³) только в последнее время начали полноценно осмысливаться историками и культурологами.

Обстоятельства общественной жизни Малой Литвы давали возможность для индивидуального *культурного выбора*. Будучи немцем по гражданству и образованию, Вильгельмас Стороста выбрал для себя литовскую этничность, стремился «повышать честь литовского духа», старался показать немцам богатство и своеобразие этой культуры. Именно на это была нацелена вся его философская деятельность.

В Лейпциге Вильгельмас познакомился с теософией, включился в Немецкое общество теософов, а в 1902 г. в Тильзите основал кружок теософов. В 1905 г. он начал издавать теософский журнал «Шальтинис» (Родник), а с 1907 г. – отдельные теософские трактаты. Тогда-то он и начал подписываться псевдонимами – Л.А. Алдас, Манас, Видунас, последний из которых стал его литературным именем. Своей задачей Видунас считал не создание философской теории, или просвещение, но поощрение стремления «к более совершенной человечности», направленной на то, чтобы «народ креп». Он выпускал журналы «Яунимас» (Молодёжь), «Науёве» (Новшество), «Дарбиметис» (Рабочая пора), публиковался в периодике, много выступал публично. В 1928 г. Каунасский университет присудил Видунасу (человеку без диплома о высшем образовании) степень почётного доктора философии; его даже собирались представить к Нобелевской премии.

В 1932 г. в Тильзите был издан его исторический труд «Sieben Hundert Jahre deutsch-litauischer Beziehungen» («Семьсот лет немецко-литовских отношений»), который появился как реакция на помпезное празднование в 1930 г. 700-летия начала завоеваний прусских и ли-

товских земель. Видунас раскрывал, что же на самом деле принесли народам Балтии христианизация и установление немецкого управления, хотя писал также и о положительных результатах этих контактов. Всё же завоевательному христианству Видунас сделал упрёк (вполне понятный с точки зрения теософских воззрений): почему не увидели положительных, творческих сторон местной религиозности, живой духовной традиции? Ведь все религии имеют общие основания – связь со священным... Книга была воспринята как «наносщая вред жизненно важным интересам рейха», и конфискована полицией (часть тиража, правда, успели распродать). В годы войны Видунас много писал, появились его значительные философские труды – частью на литовском, частью на немецком языках²⁴.

Вацловас Багдонавичюс²⁵ определяет всю работу Видунаса термином «видунизм», схожим с понятием «гандизм»: в его основе лежит философия, реализуемая в течение жизни мыслителя. Однако, если считать Видунаса по преимуществу философом, то его философская система отличается неясностью, неотчётливостью логического каркаса, излишним поэтическим стилем. Видунас похож скорее не на профессионала-философа XIX-XX вв., а на древнего мудреца, для которого философия была образом жизни. Ему было важно не провозгласить и отшлифовать мудрую мысль, но своим поведением, трудом воплотить её. Практической же реальностью, с которой Видунас связывал свой труд, было национально-культурное возрождение литовской культуры и народа. Видунас понимал его не как возврат к старым моделям, но как побуждение к интенсивному культурному творчеству.

Видунаса (1868-1953) и Ганди (1869-1948 гг.) объединяет действительно многое: близкие годы жизни, одна истори-

ческая эпоха, борьба с национальным угнетением, а также общие теоретические источники (ведическая литература), в которых они находили ответы на вопрос - что конкретно следует делать в настоящий момент. Обучение в Германии, участие в теософском течении привели Видунаса к древней индийской философии (в особенности к *веданте*). В ней его притягивали моральная направленность, внимание к человеку, представление о страданиях и возможностях преодоления страданий, тесная связь философских и религиозных сюжетов.

Философские взгляды Видунаса имели чрезвычайно гуманистическую направленность. Особенное внимание он уделяет анализу понятия культуры, которую он понимает как продолжение человеком деятельности творческих сил Вселенной. В этом творчестве Видунас выделяет два направления: духовное самосовершенствование («укрепление человечности») и совершенствование мира, и три формы – наука (сфера применения разума), искусство (души) и нравственность (духа; сущность её не в следовании этическим нормам, но в мотивации такого поведения).

Религия – форма непосредственного соприкосновения человека с абсолютным – в культуру у Видунаса не входит, но значительно на неё воздействует. Социальные и национальные вопросы для Видунаса связаны как с историей культуры, так и с метафизикой. Здесь особое значение приобретает представление о нации.

Подобно теоретику национализма латышу Эрнесте Брастыньш, Видунас определяет, что сначала человек проявляет себя как индивидуум, затем как член нации, и потом – как часть всего человечества. (Здесь индивидуальность, национальность и общечеловечность понимаются не как формы истории, но как метафизические возможности и сущности). Соответствующую окраску (инди-

видуальную, национальную и общечеловеческую) приобретают все сферы бытия, духовная сущность и структурные элементы культуры – наука, искусство, нравственность. Как элементы национальной самобытности Видунас описывал то, что мы сейчас назвали бы культурными стереотипами и символами («Литва в её прошлом и настоящем», 1916 г.). Однако особенно важным для него был язык.

С другой стороны, национальное самосознание для Видунаса было тесно связано с проявлением своей религиозности. Именно Видунас воскресил легендарный образ древнебалтийского святылища Ромува (на территории Пруссии), воспринятый как символ и ставший названием религиозного движения в Литве, развившегося с конца 1960-х годов.

Как конечную цель совершенствования человека Видунас понимал слияние индивидуального сознания с космическим - процесс мистический и тайный: «Отдельные люди, нации и даже века представляются мне как особые проявления Великой Тайны». Соединение космического и национального без обоюдного ущерба проявляется во всём творчестве мыслителя. В драматической трилогии «Вечный огонь», написанной в 1913 г., огонь (сохраняемый жрицами *вайделуте* в святилище Ромува) предстает символом Тайны, божественного, а также основным элементом религии древних балтов.

Однако Видунас не был «реставратором», не считал, что следует вернуться к старым формам религии. Воскрешение старых и разрушенных в ходе истории форм святилища невозможно и не нужно; однако их духовная сущность (равно как «смысл Вед») не должна погибнуть, но должна быть сохранена и возвращаема в новых обстоятельствах. Эту связь с прошлым Видунас называл памятью и опорой на свои национальные корни. В

целом, можно сказать, что Видунас выражал в Литве идеи знаменитого чикагского Конгресса религий, на котором выступал Свами Вивекананда.

Литва и Латвия с конца XIX в. стали своего рода заповедником для выращивания «индийских» идей. Латвийский и литовский «индуизмы», практикуемые тут, весьма сильно адаптированы к местным балтийским обстоятельствам. Наверняка имеет значение то, что всё индийское приходило в Балтию (как, в общем, и в Россию) с Запада. Но балтийская индийская модель существенно отличается от российской: это была прививка к крестьянской, фермерской “основе-дичку”, находившемуся в культурно угнетённом состоянии, но имеющему благоденствие и гордость, хотя бы и основывающиеся на истории, легендарном прошлом и мифологемах. Именно в межвоенных Латвии и Литве возникли первые рериховские культурные общества.

Индийская составляющая литовского национального возрождения не исчезла и в послевоенное время. Вот как описывает эту эпоху Вацловас Микайленис: «В 1950-60-е годы существовало Общество индийско-литовской дружбы. Тогда было очень модно дружить, у нас была связь с городом Бенаресом. Мы изучали санскрит, индийский эпос, обращали внимание на близость наших культур. В 1970-е годы в Вильнюсском университете Т.Я. Елизаренкова читала лекции, и в одной из них прозвучал сюжет об Индре или Митре, разрубающем Месяц – Сому – напополам. Индийская мифология не объясняет причину этого поступка. А в литовских песнях, где тоже имеется этот сюжет, такое объяснение имеется: Перкунас разрубает Менуо за то, что тот стал неверным мужем, влюбился в зарю. Важным источником для нас был словарь В.Н. Топорова “Прусский язык” - мы пользовались им как духовной кни-

гой, разъясняющей не только язык, но и духовную культуру древних пруссов. Появлялись работы Норбертаса Велюса. Таким образом, сравнительно-историческое языкознание дало нам возможность считать все индоевропейские народы родственными, и, не стесняясь, брать недостающие элементы мифологии, культуры. Восстанавливать, реконструировать. Исследования гидронимов и топонимов Восточной Европы дали возможность нам говорить о нашей прародине. В процессе изучения истории языка, расселения, нам становилось стыдно за всех нас – 2 миллиарда детей, наследники великой культуры. Так пали, подпали под католиков...»²⁶

Итак, Видунас, а затем учёные – филологи и фольклористы заложили основание развитию литовской религиозности, выразившейся в движении *Ромува*.

РОМУВА – ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ромува возникла в 1960-70-е гг. как фольклорное, краеведческое движение, как объединение певческих ансамблей. Первоначально собралось около 100 человек, в основном, молодёжь, и в 1967 г. в Кернаве (древней полуполегендарной столице Литвы) они отпраздновали праздник летнего солнцестояния, получивший название *Раса*, что стало символическим началом *Рамувы*.

Важными идейными источниками движения сделались труды философа Видунаса и археолога Марии Гимбутене, - настольные книги большинства деятелей движения. Другими источниками были язык и фольклор. На них обратили внимание еще в XIX в., как считает В. Микайленис, сначала очень примитивно, поверхностно. «Но оказалось, в простых песнях заключается великая энергия! Простая мукомольная песня усиливает силу, так же, как деревья (пучки энергии, выходящие из земли) –

дуб усиливает волю, липа – произрастание. Так же и в песенках, других жанрах фольклора закодированы мудрейшие вещи. Фольклор – наши священные писания, из него можно вывести целую философию»²⁷. Значительным источником сведений о связях с духами и религиозности в литовском народе стала для Рамувы книга Йонаса Басанавичюса «Из жизни духов и чертей»²⁸. Кроме того, им очень высоко оценивались труды писателей Вайжгантаса и Даукантаса.

Первой организацией стала Вильнюсская группа, оформившаяся в 1968 г. Движение быстро стало популярным. При университете оформилась группа «Ратялио». По всей Литве возникали небольшие народные ансамбли. Начался подъём деревенских певческих групп, не занимающихся стилизацией (первые из них появились в Дзукии, в частности, в деревне Жюрей). Инициаторами создания *Рамувы* стали знаток литовской народной культуры, этнограф Йонас Тринкунас и искусствовед Альфонсас Андриушкявичюс. Первыми членами организации были поэт Марцелиус Мартинайтис, философ Вацис Бардунавичюс, исполнительница народных песен Вероника Повилонене, философ Арвидас Шлөггерис, в настоящее время политик Ромуалдас Озолас. В начале 1970-х гг. движение подверглось гонениям со стороны советской власти: участников стали запугивать, некоторых сажали в тюрьму, выгоняли с работы.

Несмотря на то, что в 1971 г. *Рамува* была официально закрыта, заложенные в ней идеи не погибли. Оформилась *Рамува* Вильнюсского университета, Вильнюсские клубы народных песен (*дайн*), фольклорные ансамбли («Раскила» и другие). Идеи Рамувы зрели в рамках самых различных клубов и организаций. Вот как рассказывает о своём опыте В. Микайлёнис: «В 1960-70-е годы я работал в обществе “Знание”. Познакомился

со многими интересными людьми со всей территории СССР: возил их по Литве, показывал Тракай, Вильнюс. Мы понимали, конечно, что живём в витрине СССР. Сложно было избежать и литовских национальных проблем. Мы всегда помнили Сибирь и фантастическое партизанское движение 1944-1954 гг. в Литве, в котором участвовали 35 тысяч человек, и 25 тысяч из них погибло. В результате “чисток” интеллигенция уехала на запад или была сослана в Сибирь, генералитет расстрелян. Однако всё же оставались и замечательные поэты. Художники, филологи, фольклористы. Появились разнообразные формы сопротивления – например, массово ходить на кладбище Росса и петь песни, гимны, ставить на могилы свечи. Со стороны властей было стремление изгнать празднование Велинес²⁹: вводились советские поминальные торжества, но это не удалось»³⁰.

Возрождение началось в конце 1980-х гг. 18 октября 1988 г. *Рамува* была восстановлена и зарегистрирована как краеведческая и фольклорная организация. Деятельность её заключалась в устройстве этнокультурных мероприятий³¹. Собрания участников движения называются *кривуле* (общее собрание - Lietuvos Ramuvų Sajungos Didžioji Krivūlė). *Рамува* объединяет отдельные клубы. В настоящее время в рамках движения работают 22 самостоятельные организации, организуются детские летние лагеря: 1993 г. – в Гинучах, 1994 г. – Плателей, 1995 г. – Диевенишке, имеются «Рамувы» в США, Канаде и Австралии.

Параллельно с краеведческой и фольклористической деятельностью, в рамках *Рамувы* начала возникать и религиозная группа, получившая со временем название *Ромува*. Её составили люди, увлечённые идеей особой балтийской (или литовской) религиозности. Йонас Тринкунас свидетельствует, что

идея *Ромувы* возникла с самого начала, ещё в конце 1960-х гг. (собственно говоря, косвенно была выражена Видунасом), а «светский» характер организации *Ромувы* был продиктован тогдашними политическими обстоятельствами. «Нашей хитростью тогда было обмануть власти, католическую церковь» – поясняет Й. Тринкунас³². Однако Э. Плёллене, жрица и руководитель *Ромувы*, свидетельствует, что при создании *Ромувы* среди самих участников движения было много разногласий. Высказывались сомнения: а зачем? Может быть, достаточно одного краеведения? Оказалось, – не достаточно. Оформление и регистрация *Ромувы* как религиозной общины стало возможным только в 1992 г., в неё тогда вошло около 1000 человек.

Официально *Ромува* зарегистрирована под грифом «группа новых религий». Йонас Тринкунас говорит, что его удивляет такая позиция властей. Только через 25 лет они смогут обратиться с просьбой зарегистрировать общину как «традиционную религию». Руководителей беспокоит, что в прессе иногда высказывается мнение о язычниках как об опасной группе сектантов. «Единственную опасность мы представляем для католической церкви, которая выступает от имени народа. Мы не стремимся быть ультранародными, ультранационалистами» – говорит Й. Тринкунас.

В настоящее время всего около 10 тысяч человек связаны с *Ромувой*, и около 3 тысяч – члены общин. По всей же Литве насчитывается 17 общин. С 1992 г. издаются журналы «*Друвис*» («Ведун») и «*Ромува*». Ромувяйцы ищут единомышленников во всем мире, в том числе в Европе и России. Были даже предприняты попытки создать группу «Голядской *Ромувы*» в России, но пока это не удалось. В Литве движение имеет информационную поддержку, связи с Министерством культуры; в целом об-

щество относится к нему с сочувствием и интересом. Значительным событием стал Всемирный конгресс этнических религий, прошедший в Литве летом 1999 г.

Сущность и символы движения

Времена, когда религиозность и принадлежность к религии казались неразрывным единством, вероятно, постепенно уходят в прошлое. Об этом всем своим опытом религиозной жизни свидетельствуют люди разных судеб, убеждений.

Провозглашаемой задачей *Ромувы* является «возрождение балтийской духовной традиции, на которой основывается религиозное мировоззрение Старой Европы и индоевропейцев»³³. *Ромува* имеет эмблему – священный дуб с небольшим пламенем. «Руническая надпись показывает, что *Ромува* связана с Балтией и её культурной традицией. Такой дуб типичен для литовского народного искусства. Символ напоминает об исторической троичности индоевропейцев. Три уровня здесь означают мир мёртвых, мир живых и будущее»³⁴. Ромувяйцы говорят, что этот знак был обнаружен на керамике пруссов; предполагается, что это один из графических календарных знаков балтов.

Глубоко символично название движения: *Ромува* – легендарное святилище балтов, находящееся в Восточной Пруссии, недалеко от Кёнигсберга, – понимается как одно из «последних сохранившихся европейских языческих храмов». Наряду с ним, предполагают ромувяйцы, «много небольших “Ромув” было разбросано по всему балтийскому региону».

Своей целью движение считает «продолжение естественных традиций, веры Балтийского края»; а как всё это называется, – считает Й. Тринкунас, – дело политиков. Большинство ромувяйцев не считают свое дело только литовским. «В

рамках *Ромувы* живет и работает много независимых инициатив и групп. Все они любят и уважают эту великую и прекрасную землю, также как её культурную и историческую традиции. Участие в *Ромуве* не имеет национальных или этнических ограничений. Члены и группы *Ромувы* могут проживать в других странах, на других континентах. Нужно только чтобы они держались вместе и дорожили традициями своих предков³⁵. Весьма примечательно, что сам Й. Тринкунас зачастую использует термин «балты» не как лингвистический или этнический, а как территориальный. Такое территориальное, а не кровнородственное основание этноса обнаруживается в фольклоре балтийских народов³⁶.

Интересно мнение Й. Тринкунаса о том, как следует проводить обряды. «Язычество сильно связано с землёй, с местом. Не только в смысле историческом, но и биографическом. Поэтому очень сложный случай – эмигранты. Австралийские литовцы спрашивали нас, как праздновать каляду. Я не знаю, земля сама формирует. Человек же может выбирать себе традицию, предков или что-то, на что ориентироваться. Это всегда результат компромисса, выбора традиции»³⁷.

Для большинства национально-культурных движений характерно объединение этнического и религиозного. Эта тенденция проявляется и в *Ромуве*: «народы, живущие в разных балтийских республиках – литовцы, латыши, белорусы и пруссы, начали размышлять о древней вере и старались её воскресить. Это вело к укреплению национальной идентичности (выделение наше – С.Р.). Сущность язычества не национальная (выделение наше – С.Р.). Это религия Земли и Природы. Это религия возрождения естественных элементов. Централизация, догма, иерархия, политика – чужды природной религии. Поэтому

символ *Ромувы* представляет естественную историческую традицию»³⁸. Несмотря на определённые противоречия, между которыми движения балансируют, выявляя своё «лицо», естественное и ненациональное обретает в них характер отчётливо этнический, национальный.

Кроме того, именно в рамках этих движений (вопреки желаниям некоторых лидеров) религиозность и этничность обретают тенденцию становиться политическими факторами. Не случайно возник термин – «этнические религии». Исследователям-этнологам понятно, что имеет в виду Йонас Тринкунас, употребляя этот термин. Однако сложность заключается в том, что таково воззрение на данные религии «извне». «Изнутри» они не обладают никакими этническими характеристиками. Это, однако, редко понимают лидеры национал-патриотических движений, которые придают термину «этнические религии» принципиально противоположный смысл. Противоречие, когда не национальные явления жизни обретают национальный характер, глобально, и часто трудно преодолеваемо.

Так, В.А. Шнирельман отмечает³⁹, что в современном неоязычестве выделяются два течения: книжное, умозрительное, создаваемое городской интеллигенцией, и языческое, деревенское, нередко имеющее преемственность. Оба потока могут пересекаться. В первом случае зачастую преобладает молодёжь, во втором представлены люди различных поколений, но носителями традиции являются старшие. В первом случае превалируют унифицированные общинные культы, во втором объединяются многие обряды - домашние, общинные, региональные.

Литовское язычество в настоящее время тоже представлено двумя направлениями. Большинство составляет городская интеллигенция, люди образо-

ванные, время от времени собирающиеся на праздники. Небольшая часть - идеологические язычники, создающие свои религиозные модели. В отличие от русских «коллег», литовцы почти не продуцируют текстов, «систем научных знаний».

Литовскому движению в гораздо меньшей степени свойственна столь характерная для русского современного опыта псевдонаучная база - изобретение прошлого, истории (расширение рамок национальной истории, как во времени, так и в пространстве, для обоснования «исконности» и права на власть), географии, иногда и языка⁴⁰. Однако определённые акценты на это делаются: «Времена процветания Литвы были языческими. Великие князья Кястутис, Гедиминас, Альгирдас были язычниками. Когда Ягайла и Витаутас приняли христианство, то через сто лет (по инерции продержались), слава и могущество скатились вниз, а в XVIII в. исчезли»⁴¹.

Следует обратить внимание на сопоставление гармоничного, слаженного литовского общества с традиционной индийской общественной системой четырёх *варн*, проведенное В. Микайлёнисом. «Я считаю самым гармоничным общество, где сочетаются три элемента: брахманов, кшатриев и вайшьев. Ещё при Гедиминасе в Литве так было: имелись свои «брахманы» - *криве, вайделоты*, свои «кшатрии» - князья, свои «вайшья» - крестьяне. Три сословия Литвы работали на одну цель - укрепление народа и государства. 800 тысяч этнических литовцев подчинили себе пространство от моря до моря, Псков и Новгород время от времени платили Литве дань, удавалось сдерживать крестоносцев и Золотую Орду. Однако ради политических целей наши князья приняли католичество, и вслед за этим началось уничтожение нашего разума и духа, религиозности: пригласили польских

ксендзов, уничтожили белых старцев, хранителей огня. Сильный урон нанес католический целибат: для подготовки священников брали самых способных крестьянских мальчиков, и этим вырезали наш генофонд. Среди духовенства распространялся гомосексуализм. Дворянство после Люблинской унии в XVI в. потеряло разум, взбесилось, начались междоусобицы. Через смешанные браки происходило ополячивание. Когда пригласили сюда евреев - те закрепились в ранге третьего сословия, и литовец стал шудрой в своём отечестве. Правда, этим шудрам разрешалось петь свои песни, иметь связь с природой - сначала просто не обращали внимание на их религиозность, народную веру. Правда, происходило страшное спаивание народа: существовали даже законы «спаивания», когда дворянам вменялся в обязанность расход 1-2 ведра сивухи на каждого человека в крестьянском дворе в год.

Гармония сословий (об этом я вычитал у Дюмезиля) для нас очень важна. При переборе числа одного сословия возникает беда: как у чеченцев, где одни только воины. Долгое время литовский народ жил без своего «ума», порядка и экономики. Отсюда и возникала ненависть к полякам и евреям»⁴².

Руководителем Ромувы в настоящее время является Эгле Плёлпене. Её концепция религиозности утончена, рафинирована, философична, не привязана исключительно к «литовской древности». Все элементы традиционной культуры она осмысливает в контексте новых знаний и своего психологического мироощущения. Особо значимым для Эгле является индивидуальное творчество личности: «Я понимаю это движение Ромува как абстрактное. В конкретном ритуале необходимо соблюдать традицию. Ну, а когда традиции нет, или она неясна, то лучше воспринимать её как абстрактное»⁴³.

Для многих людей, близких к движению «Ромува», характерны естественность и повседневность религиозного мироощущения и практики, не называемых зачастую ни языческими, ни христианскими (собственно говоря, и не являющихся в «чистом» виде ни теми, ни другими). Довольно редко формы религиозности обретают этническое определение: большая часть ромувайцев обходится без такого определения обрядов, религии и других элементов, как «литовские», (заметим, что это свойство отсутствует у даже наименее политизированной части русских языческих религиозных течений). Эгле Плёплене рассказывает: «когда я купила усадьбу в Швенчёнском районе, а бывшая её хозяйка умерла, то я там целый год проводила ритуалы, в том числе огненного очищения, ароматами. Но это так естественно, даже не хочется говорить. Сейчас, во время Велинес, поеду к морю, и в пути буду наблюдать, как всё будет складываться, что возникнет. “Надо” и “нельзя” – это принесло беды. Следует жить на основе естественного порядка вещей»⁴⁴.

Истоками религиозного мироощущения для Эгле являются впечатления от народных праздников, сны – «письма самому себе», а также всё, о чём «говорит природа»: «если в серьёзные моменты жизни идти в природу, спросить о чём-то, то ответ придёт». «Учение, система есть сосуд или ложка, но – не пища! Всякая инициация, крещение – ввод человека, но ещё не сама реальность». Священное для Эгле – жизнь во всех своих проявлениях, в том числе и смерть. «Во все архетипические сосуды может вливаться энергия: кукушка, трава, звезда, дуб, действия. Нити человеческой души расходятся и сходятся – это и есть причастие, соединение со стихиями, водой, огнём»⁴⁵.

«Не возврат в старое, но продолжение главного, что есть в культуре важно

для нашего движения», - говорит Й. Тринкунас. «На 90% фольклористическая традиция состоит из такого продолжения. Для нас важно понимание людьми того, что они делают». «Религиозность - это не теория, теология. Это - очень личное переживание связи с миром. Крест, дерево и камень, наверное, самые нужные символы этого. Родники люди почитали всегда. Что это, к какой религии может быть отнесено? Приклеивали христианство ко всему: поставят часовенку около родника – вот и христианская святыня. Названия же сразу разъединяют, как это произошло между литовским и польским культурными ареалами»⁴⁶.

Ромувайцы видят опасность глобализации, унификации всех культур. Как они предполагают это преодолевать? Язычество они понимают (вполне в протестантском духе) как возможность для каждого человека самоопределиться. «Не пасторат, а ответственность каждой личности», - вот что важно в язычестве для Тринкунаса. Поэтому главная опора делается на разнообразие. «Настоящая модель язычества – естественное негосударственное неконтролируемое сообщество людей. Нас часто критикуют: что у вас за организация – ни правил, ни учреждений, кто что хочет, то и делает. Это лучшее, что может быть»⁴⁷.

«Первоначальный статус Ромувы был – “национальная литовская религия”. Потом мы решили, что так не надо. Это духовная традиция, возникающая на этой земле. Границы типа литовцы, белорусы, поляки – не нужно, это ничего не значит. Худший вариант будет, если Ромува станет государственной религией Литвы. Связи религии с политикой опасны и вредны»⁴⁸.

Ромувайцы не желают иметь над собой контроля. «В литовской эмиграции всегда появлялись деятели – коёндзы, которые начинали контролировать во-

круг себя людей, собирать из них приходы. Словно в коммунистической партии. В Латвии движение более структурировано, организовано с довоенных времён. В Латвии есть разделение фольклорных движений и этнической религии. У нас нет таких застылых форм, как в Латвии. С религиозностью так: здесь лучше опоздать, чем поспешить (как в Латвии: создали религию, а религиозности ещё не народилось...), - говорит Й. Тринкунас⁴⁹, - Люди, исполняющие ритуал, выявляются здесь спонтанно, кто может это делать. Это духовные авторитеты, а не функционеры».

Ромува не создала формальных элементов организации, поэтому объединение не получило «общенационального» признания. Политикой они не занимаются и не участвуют в ней, хотя симпатизируют социал-демократическим силам. «Государственной религией наша вера не может стать, мы слишком децентрализованы. Наша идеология подходит людям вольным, творческим»⁵⁰.

Большинство ромувайцев полагают, что новое язычество должно быть обязательно открытым движением. Худшее - это закрытая группа с духовным лидером. Для Эгле - «чем больше культурных связей литовцев с другими народами, тем лучше: чем больше проветривается дом, тем чище в нём воздух»⁵¹.

Важную роль в религиозной модели мира ромувайцев играют календарные праздники. Определённо против коммерциализации праздников высказывается Й. Тринкунас, считая их частью духовной культуры. Эгле Плэплене считает, что для праздников, да ещё в условиях города, необходимо создавать новые формы, используя, конечно, старый материал. Например, календарные праздники года Эгле связывает со стихиями - водой, огнём, воздухом, землёй. Во время праздничного действия они «выходят» и «заговаривают» наступающее время

года. «Из чего-то маленького, незначительного, языческого, мы стараемся выстроить что-то иное, значимое». Календарные праздники и памятные даты для Эгле очень важны: «главное их не утратить, и на их основе конструировать мир. Вильнюс - столица Литвы, и эти праздники стали здесь праздниками города, а это очень значимо для государства в целом. Все действия - в том числе концерты - должны создаваться по календарю, это наделяет их психотерапевтическим эффектом. Это возвращает всей жизни ритуальные первоосновы»⁵².

Центр этнической культуры в Вильнюсе, возглавляемый Эгле Плэплене, организует и проводит следующие календарные праздники: Раса (летнего солнцеворота), Коляду (зимнего солнцеворота), Лигядиенис (день Гедиминаса: 22-27 сентября, период осеннего равноденствия, с которым ассоциируется знаменитое в легендарной истории Вильнюса событие - сон Гедиминаса, предвестивший основание города. Это время понимается как "междумирье" - когда ни тепло, ни холодно, всего поровну, а заодно и как пора, когда может случиться любое чудо). Весной, в день астрономического равноденствия (21-22 марта), празднуют День Земли. Во всём городе звонят в колокола. В это время прилетают птицы. «Весна у нас связана с птицами, это отражено и в названии месяцев - *ковас* («грач»), *баландис* («голубь»), *гегуже* («кукушка»), - говорит В. Микайлёнис, - употребляют крашеные яйца как имитации пёстрых яиц прилетающих диких птиц. Ещё в XX в. бытовал (а в Кретинге дошёл до наших дней) обычай подкладывать крашеные яйца в гнёзда, а дети должны были их искать. Лето связано с растениями - названия месяцев это тоже показывают».

В движении происходит медленное и постепенное создание теологии и круга обрядов, складываются символы Рому-

вы⁵³. «Через какое-то время все это у нас будет, - говорит Й. Тринкунас. - Это нужно сегодняшнему человеку. У нас нет догм как свода установлений, которого нужно придерживаться. Мы придерживаемся своих народных традиций, обычаев, которые не изменишь, но можно по-разному их интерпретировать. Мы делаем акцент на многообразии, хотя и говорим о единстве мира»⁵⁴.

Итак, какие символы традиции актуализируются в Ромуве? Прежде всего, это местные святилища, духи места. «Мы считаем, что мир – не склад различных элементов; он имеет сознание и божественен. Можно принять христианское понимание бога как мирового сознания. Но мы его не абсолютизируем. Мы подчёркиваем свободу человека выбрать ту или иную форму почитания. Всякая литовская деревня имела своё святилище, своего Жемепатиса – бога, хранителя того места. Что сделала христианская монотеистическая церковь? Уничтожила всех местных божеств. Здесь будет центр, туда идите и молитесь, там будет святыня, а тут нельзя молиться, здесь нельзя иметь свои могилы. Мы выступаем за ту древнюю демократию, когда все люди были ответственны за общее дело, все признавали, что главное – их род, ценности их отцов»⁵⁵. «Мы очень привязаны к нашей земле, - говорит Лаймутис Василявичус. - Литва это живое существо, наша мать добрая. Все кости наших людей мы привезли из Сибири к себе. Половину Белоруссии мы тоже считаем своей землёй. Относимся к ней с симпатией, считаем родными их (они-то так, может быть, и не считают)»⁵⁶. Дух земли воплощён в символе ужа (лит. *жалътис*), живущего под землёй. Уже литовцы почитают по сей день, элементы его культа сохранились в свадебной обрядности, в изобразительном искусстве, преданиях, песнях, сказках⁵⁷. Уж стал одним из важнейших ли-

товских религиозных символов плодородия, тайного знания и защиты.

Идея места имеет для ромувайцев очень конкретное выражение. В этой связи особый смысл обретают культурные границы, разделяющие сферы обитания людей и духов. Непосредственным воплощением границы в Литве являются реки - Алкупей, Швянтойи, Нямунас (две трети территории Литвы в ее бассейне)... - всего около 300. Й. Тринкунас объясняет, что они потому так чисты, что в них никому не разрешалось входить.

С духом места тесно связана любовь и уважение к природе. Природа понимается как жизненная сила. Религиозность преимущественно выражается в медитации на природе, в восстановлении ритма, принятии кардинальных решений. Ромувайцы свидетельствуют, что при участии в определённых ритуалах точно возникают религиозные чувства (например, на слёте в Ужпалай участники видели чёрную стену дождя, шедшего по всей Литве, а у них на пяточке светило солнце).

Ратас – коловорот жизни, извечное умирание и возрождение, связь прошлого с будущим - это основное проявление божественного для *Ромувы*. Уничтожение всего старого, забвение прошлого, в особенности в контексте религии и идеологии, воспринимаются негативно: в этом ромувайцы упрекают коммунистов и католиков.

Весьма примечательна женская тема Ромувы. Культ женщины-богини фиксируется на территории Восточной Европы с эпохи каменного века. В историческую эпоху женский образ в верованиях сохранился, подвергшись христианской трансформации (Литва, Польша, Ливония понимались как “земли Марии”).

Й. Тринкунас стремится к тому, чтобы важнейшие ритуалы находились в руках женщин. «Христианство, как и

еврейская традиция, слишком патриархально. Сейчас в мировом масштабе женское начало сильно возрастает, католичеству скоро будет всё труднее и труднее не считаться с этим. В нашей культуре имеется равновесие – хотя и не тождество – мужчины и женщины»⁵⁸.

Итак, важнейшие обряды проводят женщины, старшие в семье, жрицы, имеющие авторитет, что придаёт всему действию, по мнению участников, солидность и сакральность. Имеются *вайделуте* – девственницы, охраняющие огонь. Жреческая традиция, как говорит Й. Тринкунас, передается в семьях. «Организация всего внешнего – где жить, что есть – это у нас обеспечивают мужчины. Самое святое проводят женщины». Выжигают огонь, жертвуют зерно, молоко женщины. Вот как поясняет Эгле Плёплене роль женщины в религии: «Ритуал – это осознанное действие. Когда что-то новое и важное нужно родить (в том числе и ритуал), мужчины обычно погрязают в дискуссиях, спорах, или же стоят в смущении. Женщины приходят и просто делают, рожают – и реально, и символически».

Культ предков занимает видное место в возрождаемой балтийской религиозности. Важнейшее его выражение происходит на осеннем празднике Велинес – чествовании душ усопших, которые, как считается, обитают в ветрах и костях. На этот праздник литовцы всегда стремятся вернуться домой. *Велей* – души усопших, приглашают к накрытым столам на ночную трапезу, на всех кладбищах Литвы зажигают свечи, поют поминальные песни и плачи. 2 ноября 1999 г. в костёле Святых бернардинцев в Вильнюсе состоялось ритуальное действие – поминовение душ, организованное при непосредственном участии Ромувы. Плакались умершие, звучали народные песни, в том числе *сутартинес*, многоголосное пение, декламация, рассказы о

людях. Ведущую роль в ходе выполнения ритуала выполняли женщины. Это событие стало шагом объединения христианской и языческой моделей Литвы.

Важным источником религиозной традиции для Ромувы являются многоголосные песни *сутартинес*; их записано около 800 тысяч. Сутартинес означает «согласие», понимаемое как своего рода инициация или помощь. Многоголосную песню поют три, четыре или более девушки, и каждая должна не только петь, но и слушать двух-трёх партнерш. Литовские фольклористы считают, что такое пение имеет психотерапевтический эффект.

Поклонение огню – общее место многих языческих традиций присутствует и у ромувяйцев. Речь идёт, прежде всего, о двух огнях: огне святилища (легендарный вечный огонь святилища Ромувы у пруссов, берегаемый *вайделуте*, что описано в драме Видунаса «Вечный огонь») и аналогичном ему огне домашнего очага. С огнём связано много обычаев. В Дзукии его высекают камнями *титнагас* (кремень), имеющими также свойства очищать воду и лечить от болезней. Огонь никогда не тушат водой, но засыпают землёй.

Религиозное и символическое значение обрели многие природные и культурные явления. Роса – духовная субстанция, появляющаяся перед рассветом, и несущая в себе жизненные силы роста и тайную мудрость (ансамбль «Расакила» – «роса поднимается»). Пчела – воплощение божества: «когда мы начинаем обряды, часто слетаются пчёлы. В экономике нашей пчёлы и мёд очень важны»⁵⁹. Ритуальный напиток пиво. Лён, технология обработки которого понимается как мистерия. Родники и источники (по преданию, детей берут из родников, через дырочки в земле). Колгринда – «подводный путь», ведущий через озёра, реки. Это мостки, опущен-

ные на полметра в воду, чтобы о них не знали враги, завоеватели. Когда человек шёл по таким мосткам, казалось, что он идёт по воде. Поэтому литовцев считались колдунами. Теперь *колгринда* стала символом литовской хитрости и тайного знания⁶⁰. Ромува почитает балтийских богов Перкунаса, Жемепатиса, Жемину и др., частично опираясь на пантеоны, описанные в польских сочинениях XVI-XVII вв. (М. Стрыйковского и других авторов). Однако изготовление и почитание деревянных идолов не является для ромувайцев значительным элементом религиозности. Важно понимание природной сущности и реальной деятельности этих богов.

Ромувайцы – чрезвычайно семейные люди: многие из них имеют большие семьи. Положение человека без семьи, без детей, воспринимается как тяжёлое и вредное. Й. Тринкунас отмечает, что в литовском фольклоре крайне редко встречается обозначение человека просто как «мужчины» или «женщины». Человек называется всегда по семейной роли – «отец», «матушка», «дочь», «сын», «невеста» и т.д. Одиноким человек бывает очень недолго, в основном при переходе из одного мира в другой. Совершив такой переход, он быстро обретает определённый семейный статус. Семейные отношения, по мнению ромувайцев, фактически, являются структурообразующими для всего литовского общества. Для литовского самосознания важна историческая память о том, что у них есть свои князья (хотя, как сами ромувайцы признают, в основном, правда, «ополяченные»). В ряде семей (у т.н. *байоров*) хранятся литовские геометрические гербы и родовые мечи, передаваемые по наследству старшему сыну в семье. После обретения Литвой независимости многие семьи стремятся создать свои земельные усадьбы.

Свои нравственные нормы ромувайцы описывают как «добрые, чистые, сдержанные, деликатные, терпимые, стойкие; очень подходящие современному миру»⁶¹. Перед обрядами обязательно совершается очищение и воздержание. Важнейшим религиозно-нравственным принципом является *дарна* – гармония, равновесие, лад, мера, необходимая для всякого действия. Люди, знакомые с индийской философией, считают её генетически связанной с индийским этическим принципом *дхарма* – правильным путём, жизненной задачей человека.

Ромувайцы оптимистично смотрят на жизнь: «всё вокруг должно или расти, или увядать, отпадать. Ни в том, ни в другом, нет зла. Основа учения – в распознавании, что нужно выращивать, что хоронить»⁶².

Как возможен диалог между разными людьми и народами, которые имеют много взаимных обид, претензий друг к другу? «Диалог возможен, нужно только не обвинять друг друга и не требовать покаяния – это не приведёт ни к чему хорошему. Нужно валить всю вину на историю, это даст возможность начать сначала и не мстить, не иметь персональных обид»⁶³.

Христианство и язычество глазами Ромувы

Отчуждённость от христианства, колеблющаяся от нейтрального до воинственного отношения, ощутимо в большинстве европейских языческих движений⁶⁴.

Среди ромувайцев бытует очень широкий спектр отношений к христианству. Это особая, сложная и важная тема для исследования современной литовской религиозности, выходящая за пределы поставленной мной задачи описания движения *Ромува*. В Литве встречаются люди, принимающие христианство вполне, но исповедующие его через

призму народной традиции. Замечательный тому пример – жизнь и труды францисканского монаха **Вилюса Орвидаса**, находившегося в конфликте с официальной католической церковью Литвы, уединившегося в своей усадьбе в Кретингском районе. Там он продолжал свой религиозный труд, там создал уникальный сад каменных и деревянных скульптур – мифологическое пространство, в котором христианство объединилось с литовской народной культурой. В творчестве Орвидаса христианство – духовный центр, хотя оно и предстает в литовском «обличии».

Некоторые ромувяйцы в корне не принимают христианство, считая его религией завоевателей, и в целом вредной для Литвы. «В религиозности очень много неопределённого, невыраженного прямо, и поэтому здесь возможна лёгкая подмена объекта. Христианство ускорило процесс десакрализации (мира, всего вокруг): происходила централизация священного, сильно сужалась сфера его повседневного влияния, уменьшалась сила ощущения священного», – считает Й. Тринкунас⁶⁵. «Литовец – было до начала XX в. синонимом языческого: епископы в церкви говорили: “Ну, посмотрим, кто вы есть. В правую сторону становитесь католики, в левую – литовцы”. Только с конца XIX в. начали появляться литовцы, сумевшие соединить язычество и христианство (Майронис). Однако это было временное явление, потому что нет никакого механизма в католичестве, способствующего сохранению традиционных духовных ценностей»⁶⁶.

Христианство во многом понимается ромувяйцами как религия городов. До христианства, считают они, в литовском обществе было больше свободы (хотя, конечно, и в пределах родового общества). Искорка этой свободы, народный дух не исчезли и потом. Опасность христианства они усматривают в том, что

нередко христианские идеи (в особенности библейскую тему «конца света») доводят до крайностей. Как чуждое воспринимается наличие лидера, религиозного специалиста (священника, монаха), подчинение, власть, исполнение чьей-то воли, иерархия, догмы, строгий военный порядок. Язычникам свойственны разнообразие и автономность⁶⁷. Иудаизм и христианство (как и другие мировые религии – буддизм, ислам, возникшие как противостояние традиции) они считают слишком антропоцентричными, ориентированными на оценку всего в мире, как полезного или вредного для человека. Выражение антропоцентризма усматривают и во многих идеологиях, в особенности в фашизме, где ценны только избранные люди. Этого нет, полагают ромувяйцы, в народной культуре, фольклоре, где имеется постоянная связь человека с деревьями, травой, птицами...

Христианство трактуется ими как «продукт, принесённый из пустыни. Он не наш, он для рабов. Вообще же это реформаторство иудаизма. Эта ветвь тупиковая, антиприродная, потому что в ней земля рассматривается как место для слёз, бед. Христиане ориентированы на Небо, на конец света. Мы же считаем, колесо жизни вечно, как и Бог вечен. Поэтому наше отношение к миру оптимистично, страхов мы не имеем. В нашей культуре нет темы ада, мучений. Единственное мучение льна, когда его перерабатывают. Наши мифы добрые, уютные. Вяльняса всегда можно обмануть. Звёзды – дырочки в небе, сквозь которые просвечивает свет того мира (*dausas*)⁶⁸. Нам свойственно спокойное, стабильное, бескрайнее мироощущение»⁶⁹.

Соединение христианского и языческого не всегда воспринимается ромувяйцами положительно. «Христианский св. Георгий истребляет нас в виде змея – нашего божества... В Литве католики,

чтобы привлечь людей, использовали символы нашей религии: вмуровывали в стены костёлов священные камни. В литовском католичестве имеются национальные течения – одевание культа в литовские “одежды” – орнамент, костюмы, ленты, пояса...»⁷⁰. В этом же ключе воспринимается деятельность Антанаса Мацейны, видного деятеля литовского католичества из Германии, излагающего теорию, что нужно католическое содержание вкладывать в литовское убранство, декор. Ксёндзов сопровождают одеты в литовские народные костюмы девушки, где нужно – посыпают цветы. Ромувайцы понимают, что всё это не убирает иерархию, подчинение, послушание, не изменяет чуждой сущности христианства.

Ощущают ромувайцы различия и в христианском и языческом восприятии праздников. В. Микайлёнис говорит о праздниках Велинес (осеннее почитание душ усопших) и Великос (Пасха) как связанных с *велес* – душами усопших. «Мы приглашаем их к себе в гости, на землю. В христианстве же Воскресенье – дух Иисуса исходит в небо, это противоположно нашему пониманию сущности праздника»⁷¹.

Как явление новое среди литовцев, привитое христианской церковью, и в целом практику порочную Ромува оценивает культ «плача, траура и скорби», актуализированный в последнее время в рамках государственных праздников⁷². Эгле Плёплене говорит: «порочна традиция, по которой наши государственные праздники часто связывали со слезами и трауром. Идущее от христианства Kaltas – “я вечно виновен”, эта идея идёт от христианства, вообще она чужда нам. Отсюда происходят страхи, искривлённые зеркала восприятия»⁷³.

Литовцам, считают ромувайцы, свойственен оптимизм, юмор, веселье. Они понимают даже Велинес как светлый

праздник, встречу. Считают, что должны быть гармоничные, спокойные отношения с духами, предками.

Христианство Эгле Плёплене воспринимает как систему, язычество как жизнь: «В язычестве главное – расслабиться и начать видеть, слышать, понимать. В язычестве создаётся ситуация, а в христианстве создаются ложные понятия, логика, которые сложно совместить с реальностью. Если принимать христианство всерьёз – у его адепта должна развиваться шизофрения!» Сама Эгле крещена, но не имеет христианского имени. Она признаётся: «я не могу сказать, что взяла и выбросила Христа. Но этот миф не становится для меня единственным, не преобладает над другими мифами, хотя он и пронизывает все культуры, в том числе литовскую»⁷⁴.

Большинство ромувайцев положительно настроены на контакты с иными народами, культурами и религиозными традициями. Приоритет отдается, все же, так называемым «этническим религиям» – не мировым. «Очень хорошо, если есть разнообразные межкультурные связи. Нельзя оставаться в одной этнической среде», - говорит Эгле Плёплене⁷⁵.

Ромува имеет связи с большинством европейских языческих движений. Летом 1999 г. в Литве состоялся Всемирный конгресс этнических религий (ранее – Всемирный языческий конгресс), на котором присутствовали участники из Исландии, Германии, Польши, России, США. На съезде обсуждались направления действий, возможности объединения усилий. Й. Тринкунас оценивает подобный конгресс как возможность обмена информацией, встреч, но отнюдь не как путь к созданию мощной организации. Он считает, что многие истинные языческие группы не склонны к общению, не имеют таких возможностей и необходимости.

Ромува имеет контакты со многими языческими движениями России. В последнее время, правда, произошёл разрыв с Московской славянской языческой общиной: «те занялись бизнесом, деньгами, а это дискредитирует духовное движение»⁷⁶. «Российское язычество пугает меня агрессивностью, милитаризмом, - говорит Й. Тринкунас.- Сотрудничество же с ним полезно, вредно ограничение себя. Если мне что-то где-то не нравится, я так и говорю. Всё ведь находится в движении, от нашего мнения тоже что-то может измениться...»⁷⁷

Ромувайцы считают, что в русском, и в особенно белорусском народах имеется много «балтийской крови». В целом, восточноевропейское культурное пространство действительно имеет много общего. Литовцы полагают, что во многом сегодня «славяне, как и немцы, больны такой болезнью – политикой. Русские язычники по политическим пристрастиям – “правые”, и стремятся к организации. Этого мы не понимаем. Язычество – религия вольных людей. Мы не имеем политических пристрастий. Мы не хотим заниматься миссионерством. Но видим в России родственные нам группы, на которые просто смотреть некрасиво».

Поэтому ромувайцы считают, что они в некотором смысле ответственны за Россию, и должны как-то благотворно воздействовать на русских язычников. «Во время Гедиминаса (он наш идеолог) Литва процветала. Тогда тут жили многие народы, была терпимость. Мы хотим влить её и в славянство. Сейчас же у них (и по происхождению) какие символы – конь, меч, то есть преобладание мужского начала, на этом они много теряют. У нас же матриархальное начало, я до сих пор слушаюсь маму», - говорит Лаймутис Василевичус⁷⁸. Как самые близкие Ромуве оцениваются общины Калужская и московская “Коляда Вяти-

чей”. Ромувайцы подмечают, что для польских язычников характерен элемент шоу, они весёлые, но не глубокие, и часто у них речь идёт не о религиозности. Немцы – свидетельствуют ромувайцы – всё делают за кружкой пива, «этого мы не понимаем».

Имеется общение с латышским движением *Диевтуриба*. В. Микайлёнис усматривает стратегическую ошибку диевтуров в односторонности социальной структуры: «у них есть своё жречество и крестьянство, но нет дворянства, воинов – это им чуждо, ну, вот их и разбили. Это послушненькая религия»⁷⁹. Вот как Й. Тринкунас описывает опыт возрождения своей религиозности у латышей: «они тоже терпят притеснения со стороны церкви. Но у них более развитая традиция возрождения веры. До войны была очень большая организация, куда входило много интеллигенции. Я расцениваю негативно среди латышей подчёркивание латышского национализма, латышской народности, латышских традиций. Мы не хотели бы называться “литовской народной религией”, но – балтийской религией. Читая сочинения латышских диевтуров, практически не ощущаешь, что это балтийская традиция. Мы в Ромуве подчёркиваем балтийское единство. Историческая территория балтов от Вислы до Даугавы имеет много общего в мифологии, традициях, мировоззрении. Мы хотели бы объединить все группы в духовный союз с соответствующей автономией. Наш девиз – единство в многообразии»⁸⁰.

Не все постулируемые ромувайцами идеи действительно полноценно воплощаются на практике. Очень часто они скорее – желаемое, чем действительное в межэтнической и религиозной жизни Литвы. Кроме того, иногда наивными выглядят исторические взгляды ромувайцев, их старательное игнорирование христианского культурного влияния на

повседневную жизнь и этническую психологию литовцев. Наконец, численность деятелей движения невелика в масштабах Литовской республики. Однако идеи *Ромувы* имеют в литовском обществе широкий резонанс, хотя не всегда при этом осознается их «авторство» и «происхождение». Этнокультурное основание этих идей лежит в рамках представления о своей идентичности, понимаемой то как этничность, то как религиозность, то в объединенной форме «этнической религии».

Национально-культурное возрождение понимается в Литве сейчас по-разному. Если понимать его согласно Видунасу, то это будет не возврат к старым моделям, но побуждение к интенсивному культурному творчеству. Такое

направление мысли представляется наиболее положительным вариантом развития движения в будущем. Оно отражается в деятельности некоторых современных общинах *Ромувы* в Литве. По образному выражению Эгле Плёмелене - жрицы и руководительницы *Ромувы*, - при всём знании народной традиции, погруженности в свою культуру, в настоящее время «нужны разнообразные идеи, сквозняки; чем больше комната проветривается, тем лучше»⁸¹. Нельзя сказать, чтобы этот взгляд абсолютно преобладал сейчас в межэтнической и религиозной жизни Литвы. Однако хотя бы и декларативное его выражение дает надежду на укрепление такой тенденции в дальнейшем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Даже в таких традиционных обществах, как индийское, например, общества «Брахмо самадж», «Арья самадж», культы богов Муругана и Айяппы в Южной Индии.
2. См. Рыжакова С. И. *Dievturība*. Латвийское неоязычество и истоки национализма // «Исследования по прикладной и неотложной этнологии». № 121. М., Институт этнологии и антропологии РАН, 1999.
3. См.: Шнирельман В.А. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Теоретические проблемы исторических исследований. Выпуск 2. Июль 1999 г. (Труды исторического факультета МГУ. № 8. Информационно-аналитический бюллетень центра теоретических проблем исторической науки). М., 1999. С. 125-147.
4. Национально-культурное возрождение первоначально возникало локально и было связано исключительно с антиколониальными движениями и народами, находящимися в прошлом в угнетённом поло-

жении. Теперь, однако, оно распространяется и вширь, и вглубь. Вообще-то должно быть удивительным, что становление национальной идеи понадобилось и так долго обсуждается среди народов, выступающих в недавнем прошлом в роли «великих», колонизаторов, «угнетателей», и т.п. Очевидно, что процессы такого становления проходят тут гораздо труднее, чем среди «угнетаемых», «малых народов», - ведь у народов метрополий нет очевидного и единственного внешнего воздействия, за или против которого мобилизуется более или менее всё общество. Так же как, например, в отношении социальных полов (gender), внутри таких народов гораздо больше разнообразия, чем между ними. Но, тем не менее, люди будут искать, находить и внедрять в жизнь этнокультурные стереотипы (подобно «женскому мироощущению», «русскому сознанию» и др.). Невозможно предотвратить того, что ряд формирующихся теорий будет содер-

- жать в «новых мехах» национального возрождения «старое вино» державной идеи. И национализм, и, возможно, этническая религиозность «имперских» и «угнетаемых» народов будут складываться в обстоятельствах, когда, по выражению Николая Нейланда, представителя Партии народного согласия Латвии и президента Балтийского форума, «одна сторона страдает манией величия, а другая – манией преследования». (См. Русский транзит // «Московский комсомолец». 18.10.2000. С.3).
5. см. *Тринкунас Й.* Ромува – традиция балтов // «Наследие предков. Журнал правой перспективы», № 6. 1999. С. 12-15; см также альманах *Мифы и магия индоевропейцев.*
 6. *Сперанский Н.Н.* Дарна или учение о жизни в Природе. Троицк, Коляда Вятичей, 1999.
 7. *Йонас Тринкунас* – один из основателей литовского движений *Рамува* и *Ромува*, знаток народной культуры. Он называет себя не руководителем, а «человеком, исполняющим административные функции старейшины, представляющим общину в городской администрации».
 8. Запись беседы с *Й. Тринкунасом* от 26.10.1999 в Вильнюсе (полевые материалы автора).
 9. см. *Рыжакова С. И.* Dievturība. Латышское неоязычество и истоки национализма // «Исследования по прикладной и неотложной этнологии». № 121. М., Институт этнологии и антропологии РАН, 1999.
 10. Запись беседы с *Й. Тринкунасом* от 26.10.1999 в Вильнюсе (полевые материалы автора).
 11. *Шнирельман В.А.* Неоязычество и национализм. Восточноевропейский ареал // «Исследования по прикладной и неотложной этнологии». № 114. М., Институт этнологии и антропологии, 1998. С. 3.
 12. Неоязычники России довольно редко затрагивают вопросы собственно религиозные. Часто они облекают в оболочку религиозности явления, таковыми отнюдь не являющиеся. На деле же речь зачастую идёт только об одном её аспекте – святости («священном праве»). Идеология здесь понимается как вероисповедание, ей придаётся первичное значение.
 13. Спасение и защита – важнейшие составляющие русских неоязыческих движений. Русское неоязычество ставит перед собой две кардинальные задачи: спасение русской национальной культуры и защиту природной среды. Объектом спасения исходно понимается всё «естественное», «изначальное». Однако свойственное для русских язычников отсутствие четких понятий и границ таких основополагающих концепций, как «традиция», делает возможным включение в этот круг самых разнообразных культурных стереотипов. Чрезвычайно важной является тема «спасения от врага», в роли которого часто выступает христианство; актуализируется идея справедливости и, как следствие, святости мщения.
 14. Хотя возможно и более раннее происхождение, с XVI в., когда в Малой Литве возник интерес к «литовским древностям».
 15. Запись беседы с *В. Микайлёнисом* от 2.11.1999 в Вильнюсе (полевые материалы автора).
 16. *Vaitkūnas, Gitis.* Vidūnas ir Rytų idėja Lietuvių kultūroje // *Vidūnas Lietuvių kultūroje.* Vilnius, 1994. S. 64.
 17. См. работы латвийского теософа 1920-30-ых гг. *Язена Рудзитиса*, латвийские издания «Угунс» («Огонь»), публикации рериховских обществ Риги и Каунаса, общества Урусвати и т.п. Подробнее о практике ориентальных течений см.: *Ожиганова А.А.* Восточные философско-религиозные учения и духовные практики в современной России (автореф. на соиск. ...канд. истор. наук). М., 2000
 18. Неоязыческие движения в разных конфигурациях соприкасаются с национал-патриотической идеологией, кришнаизмом (в России – с 1971 г.), духовными теориями Блаватской и Рерихов, альтернативной медициной, парапсихологией, психо-соматическими практиками Востока (например, йогой), шаманизмом.
 19. *Пименов А.В.* Дхарма для каждого: «Бхагавад-гита» и становление индуизма // *Древо индуизма.* М., 1999. С. 195.
 20. В том числе и Общество Рерихов в Каунасе. В настоящее время в Литве существует Общество Видунаса, которое возглавляет директор Института философии и социологии Вацловас Багдонавичюс.
 21. Это очень важно именно в индийском контексте творчества Видунаса, так как совпадает с сакральным отношением к санскриту в рамках философии веданты и мимансы.
 22. См.: *Видунас.* Я верю в святое таинство. Составитель В. Багдонавичюс. Вильнюс, Минтис. 1994.
 23. См.: *Matulevičius, Algirdas.* Mažoji Lietuva 18. Amžiuje. Lietuvių tautinė padėtis. Vilnius, Mokslas, 1989; *Šilas, V., Sambora H.* Mažosios Lietuvos kultūros pėdsakai Kaliningrado srityje. Vilnius, Mintis, 1990; От

- Мажвидаса до Видунаса. Творцы и хранители литовской культуры в Кёнигсбергском крае. Сост. В. Шилас. Вильнюс, Минтис, 1999; Мартинас Мажвидас и духовная культура Великого княжества Литовского XVI века. Вильнюс-М., baltos lankos, 1999.
24. «Самосознание человечества в его религиозных преданиях, святых писаниях и святых памятниках», «Размышления о таинственности сознания», «На заре более благородной человечности», «Воспоминания и рассуждения по поводу религии», «Религия сквозь тысячелетия истории человечества», «В заточении к высвобождению», «Оставленный демонам», «Устройство вселенной», «Наша задача», «Жизнь нации», «Сознание» и мн. др. В творческом наследии Видунаса – более 60 книг: художественных, философских, языковедческих, исторических, публицистических. В годы войны он создаёт первый перевод и комментарии к Бхагавадгите на литовском языке.
 25. В. Багдонавичюс – директор Института философии и социологии, составитель и редактор издания сочинений Видунаса, президент Общества Видунаса.
 26. Запись беседы с В. Михайлёнисом от 2.11.1999 в Вильнюсе (полевые материалы автора).
 27. Там же.
 28. Iš gyvenimo vėlių bei velnių. Surinko Jonas Basanavičius. Vilnius, 1998.
 29. Велинес – осенний празднование, чествование душ усопших, длящееся в течение месяца, в октябре-ноябре, главные действия которого обычно приурочиваются ко Дню Всех Святых (прим. авт.).
 30. Запись беседы с В. Михайлёнисом от 2.11.1999 в Вильнюсе (полевые материалы автора).
 31. См. журнал «Romuva».
 32. Запись беседы с Й. Тринкунасом от 28.10.1999 в Вильнюсе (полевые материалы автора).
 33. <http://www.romuva.lt/invrom.htm> (06.10.98).
 34. Там же.
 35. Там же.
 36. Например, в латышских народных песнях, где «быть пруссом» означает «жить или находиться среди пруссов». Это принципиально отличается, например, от интерпретации понятия «быть русским», связанным преимущественно с комплексом психофизических характеристик, образом восприятия действительности и способов реагировать на внешние действия.
 37. Запись беседы с Й. Тринкунасом от 28.10.1999 в Вильнюсе (полевые материалы автора).
 38. <http://www.romuva.lt/invrom.htm> (06.10.98).
 39. Шнирельман В.А. Неоязычество и национализм. Восточноевропейский ареал // «Исследования по прикладной и неотложной этнологии». № 114. Институт этнологии и антропологии, М., 1998. С. 26.
 40. См.: Кандыба В.М. История русского народа до XII в. н.э. М., «КСП», 1995; его же, Ригведа – религия и идеология русского народа. М., «Макет», 1996; его же. История русской империи. М., «Эфко», 1997; Запрещённая история. СПб., Издательский дом «Невский проспект», 1998; Петухов Ю.Д. Подлинная история русского народа. М., Мета-Галактика, 2000; его же. «Русь извечная». Альманах. Языковые опыты «Древнерусской англистической православных староверов – инглингов» (Омск), «Всеясветной грамоты».
 41. Lietuvių tauta niekada neigiamai nežėiūrėjo į ragonybę // «Ugnis», 1999, vasaris, 6. Беседа с Йонасом Тринкунасом (беседа вел Гинтарас Бинкаускас).
 42. Запись беседы с В. Михайлёнисом от 2.11.1999 в Вильнюсе (полевые материалы автора).
 43. Запись беседы с Э. Плёллене от 29.10.1999 в Вильнюсе (полевые материалы автора).
 44. Там же.
 45. Там же.
 46. Запись беседы с Й. Тринкунасом от 28.10.1999 в Вильнюсе (полевые материалы автора).
 47. Это значительно отличает литовскую и русские модели этнической религиозности. Тенденция объединения отчётливо просматривается в России: для выработки единой русской духовной национальной идеи, на основе которой возможно возрождение русского народа, в 1994 г. в Москве было создано общероссийское религиозное объединение «Языческая Русская Община». Поиски национальной идеи тесно связаны в России с идеей русского мессианства («Русская нация является космическим центром Совести, Света и Справедливости; в её спасении – спасение всего человечества» - и «борьбы с врагами Русского Народа и России»). Синявин И. О создании объединения Русских языческих общин // «За русское дело». 1995. № 2.
 48. Запись беседы с Й. Тринкунасом от 28.10.1999 в Вильнюсе (полевые материалы автора).
 49. Там же.

50. Там же.
51. Запись беседы с Э. Плөплене от 29.10.1999 в Вильнюсе (полевые материалы автора).
52. Там же.
53. Важную роль в основах таких движений играют стереотипы. Предлагаются формулы, рецепты, которым нужно следовать. Существенные темы, которыми исчерпывается абсолютное большинство российских движений, - род (причём всего лишь декларируемый, т.к. реально никакой установки на семью нет, к реальной семье никакого отношения не имеет), заветы предков (родичи), враг и борьба с ним (стремление к победе, причем не знают, что делать потом); сакральное. Соответственно, доминируют три чувства: сопричастность («соборность», подчинение, связь, взаимопомощь), ненависть и уничтожение, почитание.
54. Запись беседы с Й. Тринкунасом от 28.10.1999 в Вильнюсе (полевые материалы автора).
55. Там же.
56. Запись беседы с Л. Василявичюсом от 4.04.1999 в Москве (полевые материалы автора).
57. См.: *Dundnlienė, Pranė. Žalčiai Lietuvių pasaulėjautoje ir dailėje*. Vilnius, Mintis, 1996.
58. Запись беседы с Й. Тринкунасом от 28.10.1999 в Вильнюсе (полевые материалы автора).
59. Там же.
60. Запись беседы с Л. Василявичюсом от 4.04.1999 в Москве (полевые материалы автора).
61. Запись беседы с Й. Тринкунасом от 28.10.1999 в Вильнюсе (полевые материалы автора).
62. Запись беседы с Э. Плөплене от 29.10.1999 в Вильнюсе (полевые материалы автора).
63. Там же.
64. Российские движения считают, что оно поработило, разъединило «единый славянский ареал» (наличие католичества, греко-католичества и других церквей, православия), внедрило антропоцентризм, пренебрежение радостями жизни, вырабатывало смирение и взаимопонимание вместо гордости и справедливости. Актуальна среди многих современных «язычников» юдофобия. «Забвение расового чувства – одно из сильнейших преступлений христианства против человечества» («Русское дело»). Но наблюдается и тактическое заигрывание: арийский мир и православие... (Союз Венедов).
65. Запись беседы с Й. Тринкунасом от 28.10.1999 в Вильнюсе (полевые материалы автора).
66. Там же.
67. В этом смысле движение Ромува сближается с протестантской религиозной моделью.
68. Ср. литовскую народную загадку о небе и звёздах – «Полна крыша окошек. Все через них смотрят, ничего не видят» (Pilnas stogas langelų. Visi pro juos žiūri ir nieko nemato). L.tautosaka.1968.5350.
69. Запись беседы с Л. Василявичюсом от 4.04.1999 в Москве (полевые материалы автора).
70. Там же.
71. Запись беседы с В. Михайленисом от 2.11.1999 в Вильнюсе (полевые материалы автора).
72. Lietuvių tauta niekada neigiamai nežiėiurėjo į pagonybę // «Ugnis», 1999, vasaris, 6. Беседа с Йонасом Тринкунасом (беседу вёл Гинтарас Бинкаускас).
73. Запись беседы с Э. Плөплене от 29.10.1999 в Вильнюсе (полевые материалы автора).
74. Там же.
75. Там же.
76. Запись беседы с Й. Тринкунасом от 28.10.1999 в Вильнюсе (полевые материалы автора).
77. Там же.
78. Запись беседы с Л. Василявичюсом от 4.04.1999 в Москве (полевые материалы автора).
79. Запись беседы с В. Михайленисом от 2.11.1999 в Вильнюсе (полевые материалы автора).
80. Запись беседы с Й. Тринкунасом от 28.10.1999 в Вильнюсе (полевые материалы автора).
81. Запись беседы с Э. Плөплене от 29.10.1999 в Вильнюсе (полевые материалы автора).

ПРИЛОЖЕНИЕ

/из Программы Рамувы/*

Объединение Рамув Литвы объединяет людей, стремящихся познавать и распространять этническую культуру нашего народа.

Издrevле балтам было свойственно стремиться к гармонии, её сохранять и беречь. Рамува поддерживает уважение и любовь к ПРИРОДЕ (а не агрессивное владение ею), смысл жизни и бесконечное повторение круга жизни и смерти. Долгое время культура древних балтов была несправедливо презираема и уничтожаема. Рамувяйцы стараются её познать и оживить, восстановить гармонические связи между прошлым, настоящим и будущим.

1. Рамува собирает и распространяет сведения об этнической культуре и мировоззрении балтов (народные песни, игры и другие народные сказания, народное искусство, народную медицину, обычаи, древние верования и т.п.).
2. Рамува празднует древние календарные праздники и праздники жизненного цикла.
3. Рамува сохраняет и лелеет священные места, городища, могильники и другие культурные и исторические памятники наших предков.
4. Рамува формирует и воплощает в жизнь конкретные программы сохранения традиционной культуры.
5. Рамува организует лагеря, в которых обучают элементам этнической культуры – читают доклады, устраивают практические занятия (народные песни, танцы, ремёсла).
6. Рамува сотрудничает с другими общественно-культурными организациями Литвы – Этнической культуры, братством Видунаса, объединение Жалюлю).
7. Рамува организует встречи балтийских объединений и связана с этническими и культурными объединениями других народов.
8. Рамува организует и участвует в социальных и благотворительных мероприятиях.

Из Устава Вильнюсского общества балтийской веры Ромува.

1.2. Ромува – самостоятельное религиозное общество.

Об основах веры.

2.1. Ромува – исконная литовская вера, которая росла и развивалась вместе с народом и была определяющей силой этого роста. Она продолжает традиции древней веры балтов. Балтийская вера не отрицает другие религии и их богов, но прежде всего провозглашает святость Природы, жизненный характер балтийской традиции, созданной в ходе многих столетий. Эту религию охарактеризовал князь Гедиминас, утверждая, что всякий народ имеет свой путь к Богу.

* <http://www.romuva.lt/invrom.htm> (06.10.98).

2.2. Сущность веры – гармония мира (природы) и человека, поддержание, сохранение и создание гармонии. Цель человеческой жизни – жить в гармонии с Природой и людьми. Так понимается смысл жизни и достигается счастье.

2.3. Человек, живя в постоянно меняющемся мире, должен научиться существовать в том, что не меняется, что всегда постоянно. Живя в этом, он становится мудрым (Видунас).

2.4. Мир это Величайшее проявление Жизни. Святость – совершеннейшее проявление этой мировой жизни, всё объединяющее, примиряющее и оживляющее.

2.5. Как дерево черпает силу из недр земли, так и человек от предков – из страны умерших. Смерть не угрожает вечной и бессмертной природе. Умирает только плоть, а душа перевоплощается в другие формы жизни. Балтийская вера объединяет всех верующих, живших когда-то и живущих сейчас.

2.6. Источники балтийской веры – древние песни, предания, обычаи и другое наследие. Ромувайцы празднуют календарные, семейные и национальные праздники. Свои обряды они проводят в святилищах.

2.7. Устремление балтийской веры – нравственность. Уважение к Природе, людям и всей жизни – важные черты верования Ромувы. Важные достоинства ромувайцев – честь, трудолюбие, гармоничность, то есть способность уживаться вместе с другими людьми и миром.

2.8. Нравственность воспитывается традицией – в семье и обществе. Нравственность – это не только внешнее провозглашение и исполнение моральных принципов, но гармоничная жизнь в духе этой нравственности. Основы этой нравственности стремятся ведут к тому, чтобы в семье и в обществе господствовало согласие и уважение к традициям предков.